

У Су Няньаня почти не было ценных вещей. Из семьи Су он принёс с собой лишь маленький деревянный оберег, единственную вещь, оставшуюся от покойной матери, и единственную память, за которую мог держаться в этом мире.

Оберег был вырезан из обычного персикового дерева, старомодной формы. При жизни мать часто держала его в руках, и дерево стало гладким и тёплым на ощупь. На поверхности были вырезаны мелкие узоры, сулившие благополучие. Денежной ценности вещица не имела, но для Су Няньаня была самым дорогим сокровищем.

Он всегда носил оберег в внутреннем кармане, аккуратно завернув в хлопковую ткань. Иногда доставал и проводил пальцами по гладким узорам, словно мог ещё почувствовать оставшееся материнское тепло. Это была его единственная душевная опора.

Обычно он прятал вещицу очень тщательно — боялся потерять или повредить, даже во сне клал под подушку и почти не расставался с ней.

Но сколько бы он ни берёг её, от намеренных издевательств слуг спасти не смог.

Тётушка Чжан давно его невзлюбила. Пользуясь тем, что Лу Чжиянь никогда не вмешивался в подобные мелочи, она то и дело придумывала новые способы издеваться: урезала ему еду, поручала самую грязную и тяжёлую работу и никогда не воспринимала как супруга главы семьи Лу.

В тот день, пока Су Няньань мыл пол в гостиной тяжёлой шваброй до красноты в ладонях, тётушка Чжан с двумя служанками пробралась в его комнату и стала перерывать вещи.

Они распахнули шкаф, сбросили постель на пол. На словах — «разобрать хлам», на деле — просто хотели поиздеваться, безнаказанно растаптывая и без того жалкие остатки его достоинства.

В глубине шкафа они нашли завернутый в хлопковую ткань оберег. Посмотрели на не приметный кусочек дерева и решили, что это бесполезная вещь.

Одна служанка нарочно швырнула его на пол и несколько раз с силой наступила каблуком. По прежде гладкому дереву мгновенно прошла глубокая трещина, края откололись, а узоры стёрлись почти до неразличимости.

Закончив мыть пол, Су Няньань вернулся в комнату и увидел полный разгром: постель валялась на полу, одежда была разбросана повсюду, а рядом лежал треснувший и изуродованный оберег. Лицо мгновенно побелело, всё тело неудержимо задрожало, словно кровь в жилах застыла.

Он бросился вперёд, присел и осторожно поднял растоптанный оберег. Держа его на ладони,

Су Няньань кончиками пальцев провёл по трещине. Сердце будто стиснула чья-то рука, стало невозможно дышать от боли.

Глаза тут же покраснели. Слёзы сами покатались вниз и упали на дерево, оставив маленькие влажные пятна.

Это была единственная вещь, оставшаяся от матери, единственная память о ней, единственная духовная опора, помогавшая ему жить. И теперь её намеренно сломали, испортили безвозвратно.

Тётушка Чжан стояла в дверях, скрестив руки на груди, и презрительно смотрела на него. Голос звучал ядовито и вызывающе:

— Подумаешь, кусок старого дерева. Сломался и сломался. Чего реветь? Что за жеманство? Жалкий незаконнорождённый ещё и такой мусор сокровищем считает. Сначала бы подумал, достоин ли.

Служанки рядом тоже подхватили насмешки, совершенно не чувствуя вины и считая его горе нелепой истерикой из-за пустяка.

Су Няньань крепко сжал сломанный оберег. От усилия пальцы побелели, костяшки посинели. Обида и гнев поднялись внутри и захлестнули, как волна, но он не смел вспылить и не решался спорить со слугами.

Он знал: в семье Лу за него никто не вступится. Если начнёт скандалить, получит только ещё больше унижений и придинок и сам окажется в ещё более жалком положении.

Поэтому он лишь молча опустил голову, сильнее сжал оберег в ладони, подавил слёзы и снова уступил.

Он медленно привёл комнату в порядок: поднял постель, сложил одежду. Всё делал молча, пряча внутри отчаяние и боль.

В этот момент по коридору проезжал Лу Чжиянь. Колёса кресла тихо прошуршали по ковру — и он как раз увидел происходящее.

Он отлично видел всё в комнате: покрасневшие глаза Су Няньаня, сломанную вещицу в его ладони, дрожащие плечи, а также наглые, самодовольные лица тётушки Чжан и двух служанок.

Су Няньань тоже заметил его. В глазах вспыхнула крошечная надежда, словно он ухватился за последнюю соломинку. Хотелось, чтобы Лу Чжиянь хотя бы сказал одно слово, восстановил справедливость или просто заметил его обиду.

Но Лу Чжиянь лишь равнодушно окинул комнату взглядом. Ни единой эмоции, ни остановки, ни вопроса, ни защиты. Словно ничего не увидел, он повернул кресло и с бесстрастным лицом проехал мимо двери. Безразличие было абсолютным — он не удостоил Су Нянья даже взглядом.

В этот миг последняя надежда Су Нянья погасла. Трещина берега впилась в ладонь, а сердце всё глубже падало в бездонную тьму.

Если даже он предпочёл ничего не замечать, какое право Су Нянья имел спорить или жаловаться?

В этой роскошной вилле он навсегда оставался чужим, о котором никто не заботится и которого никто не защищает. Даже единственную память о матери он оказался не способен уберечь.

<http://bllate.org/book/20587/2058874>